

Сказано — сделано. В детстве Линь Ло жил в глухой горной деревушке, откуда выбраться в люди было делом непростым, и потому у них там держали собственную гончарную печь. Посуда получалась грубой, неказистой, но односельчане не привередничали — такая тоже сгодится. В те годы Линь Ло вместе с деревенскими мальчишками часто бегал к печи собирать осколки битой посуды, и весь процесс обжига запомнил на всю жизнь.

Закинув за спину единственное своё имущество — заплочный мешок из звериной шкуры, — он не решился углубляться в лес и принялся искать подходящую глину на опушке да на пологих берегах реки, куда, судя по всему, часто наведывались оборотни и полуоборотни. К счастью, удача улыбнулась быстро: не прошло и дня, как за городом, у самой воды, он наткнулся на то, что искал, — мягкий ил, неведь откуда принесённый течением, идеально годился для обжига. Годами перемываемая рекой глина оказалась на редкость мелкой и однородной, отмывать её почти не пришлось — достаточно было выбрать камешки, сухие веточки да опавшие листья.

Шлёп! — увесистый ком речной глины шмякнулся оземь. Линь Ло, склонив голову, утёр пот о плечо и с довольным видом оглядел выбранное место. Недалеко от города, но в стороне от тропы, по которой оборотни и полуоборотни ходили за водой, — здесь никто не увидит, как он лепит заготовки, а во время обжига всегда можно сделать вид, будто просто жарит мясо. На материке зверолоудей костёр под открытым небом с жарящимся мясом никого не удивит — дело обычное.

Провозившись добрую половину дня, Линь Ло набрал глины вдоволь. Он снял мешок, подтащил камень вместо табурета и, усевшись перед горкой ила, принялся выбирать из неё камешки, веточки и сухие листья, заодно отбрасывая грубые комья, — пока не осталась лишь мягкая, тонкая глина. Дав ей чуть подсохнуть, он разделил массу на удобные для разминания куски.

Подходящих инструментов под рукой не нашлось, и первая попытка провалилась: мягкая глина никак не желала обретать привычную форму. Немудрено — ведь он только наблюдал, как работают деревенские гончары, а сам никогда не пробовал. Немного подумав, Линь Ло сообразил, в чём дело: взял новый кусок глины, раскатал его в тонкий жгут, на ровном камне выложил доньшко чаши, а затем, будто складывая что-то из кирпичиков, стал наращивать стенки виток за витком. Под конец он взял припасённую тонкую деревянную лопатку, смочил её водой и разгладил поверхность — и снаружи, и внутри, — а потом, подавшись внезапно порыву, процарапал на боку чаши несколько штрихов, изобразив орхидею.

Линь Ло оглядел получившуюся заготовку и остался доволен — большего мастерства ему пока было не достичь. Вторым изделием стала тарелка, третьим — чаша для питья, все три он лепил по меркам оборотней и полуоборотней, и глина закончилась ровно тогда, когда была вылеплена последняя вещь. Закончив, Линь Ло поднялся на ноги. Глядя на алый закат, отражавшийся в реке, он спрятал заготовки вместе с камнем в траве, прикрыл сверху колючим кустарником — чтобы не потоптали мелкие зверьки — и до темноты вернулся в город.

Спустя несколько дней, когда заготовки достаточно просохли, Линь Ло расчистил площадку так, чтобы огонь ни в коем случае не перекинулся на лес, вынес заготовки на открытое место и

стал складывать вокруг них костёр: сухие листья, пожухлую траву, толстые сучья один за другим. Он не останавливался, пока поленница не поднялась выше его собственного роста.

Едва он собрался высечь огонь, как мимо прошла девушка-полуоборотень с бурдюком из шкуры. При виде такой громадной кучи хвороста она изумлённо захлопала глазами, но промолчала — лишь то и дело поглядывала в сторону Линь Ло, набирая воду. Он уже видел её раньше: она с несколькими оборотнями и полуоборотнями поселилась неподалёку от его гончарной площадки. По мере того как приближался день открытия Храма Бога-Зверя, из окрестных племён в город стекалось всё больше народу, свободных жилищ давно не осталось, и многие селились прямо за городской стеной, отдавая предпочтение берегам реки.

Линь Ло, поначалу собиравшийся ради собственной безопасности перенести обжиг поближе к городу, чтобы не столкнуться со зверьём, из-за этих соседей передумал. Звери тоже понимают, что такое опасность: там, где собралось столько оборотней, да ещё не в голодную зимнюю пору, дикие твари сами не сунутся. Так что переносить площадку он не стал — остался там, где было проще собирать хворост. Иначе одни только дрова заставили бы его сбить ноги в кровь.

Девушка-полуоборотень набрала воды и ушла. Линь Ло достал кремёнок и принялся высекать огонь, удар за ударом, пока несколько искр не сорвались с камня и не упали на сухую траву — с тихим "фух" вспыхнули дым и пламя. Он поспешно подгрёб несколько тонких веток поверх огонька, а когда пламя разгорелось как следует, отступил, забрался на дерево рядом с костром и, устроившись на ветке, принялся наблюдать.

Опустилась ночь, ветер шелестел листвою. Костёр, горевший уже довольно долго, благодаря щедрому запасу дров пылал по-прежнему ярко, освещая небольшой участок леса. Неподалёку один за другим горели костры соседних племён — его собственный выделялся разве что размерами, ничем больше не привлекая внимания. Линь Ло, закутавшись в звериную шкуру, свернулся клубком на толстой ветке и не сводил глаз с огня. Спать этой ночью он не собирался: только увидев своими глазами, как костёр погаснет, и разглядев, что стало с его изделиями, он сможет по-настоящему успокоиться.

К полудню следующего дня костёр наконец прогорел. Просидевший скрючившись на дереве всю ночь Линь Ло совсем затёк — руки и ноги онемели, — и лишь после нескольких кругов вокруг пепелища смог размяться. Дождавшись, пока жар немного спадёт, он взял ветку и принялся разгребать толстый слой золы. Вдруг ветка на что-то наткнулась. Линь Ло присел, ощупал находку руками и вытащил её прямо из пепла.

Фух-фух... — он сдул золу, и в ярком солнечном свете стало видно: предмет в его руках отливал ржаво-красным, поверхность была гладкой и слегка поблёскивала на свету.

Линь Ло не смог сдержать восторга. Он и не думал, что обжиг выйдет настолько удачным: не только вещь получилась целой, но ещё и обзавелась неожиданным цветом. Тут же в голове мелькнула догадка: должно быть, в речном иле содержались какие-то минералы, и в процессе обжига произошла химическая реакция — отсюда и ржаво-красный оттенок, и тонкий, пусть и неидеальный слой глазури на поверхности, разительно отличающий изделие от обычной здешней керамики.

Он поспешно выкопал из золы оставшиеся два изделия, проверил — ни трещин, ни заметных изъянов, — надёжно упрятал все три в заплочный мешок из шкуры и лёгким шагом двинулся обратно в город.

Едва он добрался до жилища, навстречу поспешила поджидавшая его Бай Хуа:

— Ло, где ты пропадал всю ночь? Случилось что-то?

С тремя изделиями за плечами, в лёгком расположении духа, Линь Ло спросил:

— Сестра Бай Хуа, ты меня искала?

— Лэй вчера сказал: ещё через четыре Дня Бога-Зверя откроется Храм. Просил передать тебе — приходи в тот день пораньше, а то опоздаешь и не протолкнёшься.

Служители Бога занимали в общине не последнее место — это были те, кто прислуживал жрецам прямо в Храме. Стоило пройти отбор — и получал в услужение собственных оборотней и полуоборотней, вдобавок регулярный паёк еды и чёрных монет от Храма. Понятно, что желающих поучаствовать в отборе хватало.

На лице Бай Хуа читалось беспокойство. Она потащила Линь Ло в дом и торопливо заговорила:

— Говорят, несколько племён уже отнесли дары для господина жреца в Храм. Ло, ты...

— Сестра Бай Хуа, не переживай. Дары у меня готовы. В день, когда пойду в Храм, обязательно поднесу их господину жрецу.

— Ну и хорошо, ну и хорошо... — Бай Хуа с явным облегчением перевела дух. — В день открытия Храма я пошлю с тобой Ша. Одному тебе, боюсь, не протолкнуться через толпу оборотней и полуоборотней — с ним будет спокойнее.

— Сестра Бай Хуа, зачем же так...

Договорить Линь Ло не успел: Бай Хуа, махнув рукой, уже уходила.

— Лэй с Ша вот-вот вернутся есть, я пойду готовить!

Глядя ей вслед, Линь Ло проглотил недосказанное. Узнай Бай Хуа, что прошлой ночью он вовсе не ложился, а провёл её на дереве под открытым небом, — переволновалась бы точно.

Не сомкнув глаз целые сутки, Линь Ло наконец сдался: рухнул, обняв мешок с керамикой, и мгновенно уснул.

Четыре дня пролетели незаметно. В нужный день Линь Ло поднялся ни свет ни заря — специально, пока небо только-только светлело и народу было мало, — сходил на реку за городом, вымыл голову, искупался, а после надел лёгкую одежду из шкуры, сшитую для него А-Да. Весь он выглядел свежим и чистым: отросшие уже до самой шеи волосы, чёрные и мягкие, вместе с цветом глаз здесь безошибочно выдавали в нём чистокровного человека.

Ша, которого Бай Хуа отрядила проводить его до Храма, дожидался неподалёку. Когда Линь Ло подошёл, встряхивая ещё влажными волосами, Ша сам не смог бы объяснить, что почувствовал в тот миг. Ему ещё не доводилось видеть полуоборотня со столь белой кожей, большими, немного круглыми глазами, изящным носом и тонкими бледными губами. Из-за привычки поджимать их лицо казалось немного холодным. Но Ша знал: на самом деле у дядюшки Ло доброе сердце. С тех пор как его семья однажды отведала жареного мяса от Линь Ло, тот угощал их снова и снова.

Дождавшись, когда Линь Ло подойдёт вплотную, Ша вместе с ним двинулся в город. Сегодня был день открытия Храма, и людей прибавилось в несколько раз — куда ни глянь, всюду толпа. Хотя нет — куда ни глянь, Линь Ло видел лишь плечи, руки, торсы да обмотанные звериными шкурами бёдра, тянущиеся во все стороны. Не будь рядом Ша, он со своим — не по своей воле — низким ростом мигом потерялся бы в этой толчее, не разбирая даже, куда идти.

Поднимаясь вместе с ним по городу, выстроенному по пологому склону горы, Ша сказал:

— Дядюшка Ло, впереди уже Храм. Внутри пускают только оборотней и полуоборотней, что участвуют в отборе служителей. Я подожду снаружи.

Вокруг толпились те, кто пришёл вместе с претендентами, но по правилам мог только ждать снаружи. У самого же Храма народу оказалось заметно меньше — Линь Ло наконец удалось разглядеть его целиком. Три постройки, куда выше обычных домов, стояли на пологом склоне; с их острых крыш свисали разноцветные полосы звериных шкур, колыхавшиеся на ветру. Храм окружала пустая площадка, а на ней высились столбы толще самого Линь Ло, вытесанные грубо, но узнаваемо в виде тотемов свирепых зверей.

Линь Ло достал из мешка три изделия, завёрнутые в шкуру, отдал пустой мешок Ша и пошёл к площадке перед Храмом. Среди множества оборотней и полуоборотней он один был чистокровным человеком — без звериных ушей, без звериных узоров на коже, — и на него тут же обратились взгляды.

Как раз в шаге позади него оказался полуоборотень-юноша, с которым Линь Ло уже дважды встречался за городом. Не ожидав увидеть его здесь, тот нахмурился и в несколько быстрых шагов нагнал его:

— Чистокровный человек — и вдруг явился в Храм? Ты хоть знаешь, что сегодня...

Линь Ло взглянул на него и не сразу узнал, но тут же вспомнил. Придерживая свою ношу, ответил:

— Знаю. Сегодня в Храме отбирают служителей.

— Раз знаешь, зачем пришёл? Одного того, что ты чистокровный человек, хватит, чтобы господин жрец тебя даже не рассматривал.

Хоть слова его звучали резко, при виде Линь Ло полуоборотень-юноша почему-то вспомнил своего некогда прирученного зверька Я-Я: белоснежного, маленького, красивого и мягкого.

Линь Ло взглянул на него: тон юноши звучал резко, но не так, как при первой встрече, — сейчас в нём не было прежнего презрения и высокомерия, да и смотрел он совсем не так, как остальные вокруг.

Голос Линь Ло смягчился:

— Попробую.

<http://bllate.org/book/20115/1992909>